

Передо мной сидел Валерий Леонтьев, абсолютно не выглядывший «звездой»: застенчивый, усталый, грустный и с печальными глазами. Скромный, как подросток, словно впервые попавший в мир взрослых. Он и в жизни человек сверхзастенчивый и скромный. И говорю это не по первому впечатлению, ибо знакомы мы уже несколько лет. Мы встретились «между Венгрией и Индией»: гастролы в Венгрии закончились, в Индии — предстояли.

— Я не опоздал? — спросил он чуть виновато.

— Нет-нет, вы приехали секунда в секунду, но у вас такой вид, будто вы бежали марафон... Отдохните.

— Сам не могу понять, почему, но я действительно все время бегу. У меня постоянный цейтнот. Тысяча дел...

— И все-таки давайте торопиться не будем. И начнем беседу с вопроса о вашем отношении к книгам.

— Даже не знаю, как ответить... Скажу, что люблю читать, вы меня начнете спрашивать, что сейчас читаю, мое мнение... А я сейчас не читаю. Некогда! Понимаете, некогда! Знаете, больше всего мне хочется выспаться. И это не кокетство артиста, это — реальность жизни. Не в самолете, не в поезде — хочу выспаться у себя дома. А у меня и дома пока нет. Мама живет в Ворошиловграде, там и я был прописан. Гастролы — по всему Союзу... Правда, кажется, скоро предстоят долгожданные изменения. В результате многоступенчатого обмена мы с мамой получаем жилье в Москве.

— А если вспомнить свое детство, юность... Интересовались ли вы литературой, были ли у вас свои книжные пристрастия?

— В детстве, как и все, любил читать сказки, рассказы про животных и очень, когда учился в четвертом классе, увлекался фантастикой. Мало того, не просто увлекался, а сам начал писать фантастические повести. И продолжалось это до десятого класса. А потом я все забросил... Честно говоря, жалею, что моя работа — то, чем я занимаюсь сегодня, — «съела» все остальное. Просто поглотила. Когда-то я серьезно фотографировал. Моя работа уничтожила это увлечение. Я без работы не могу, и я же, вы не поверите, свою работу проклиная. И тут — говорю абсолютно искренне — нет никакого парадокса. «Погибли» желания заниматься чем-либо, кроме своей профессии.

— И вы совсем ничего не читаете?

— Чтобы говорить о литературе, нужно было активно читающим человеком. Мы бы обсудили с вами новинки... А я просто не в курсе сегодняшней литературы. Да, знаю о романе Анатолия Рыбакова «Дети Арбата», читал великолепную повесть Анатолия Приставкина «Ночевала тучка золотая...», собираюсь прочесть «Котлован» Андрея Платонова. Могу еще назвать несколько имен, произведений, которые у всех сейчас на слуху. Но разве читателям «Книжного обозрения» это интересно? Будет такое ощущение, что вот и я, артист Валерий Леонтьев, отметил: тоже, мол, в курсе.

— И все-таки какие книги в юности на вас произвели наиболее сильное впечатление?

— Пожалуй, романы «Все люди враги» и «Смерть героя» Олдингтона. И что любопытно: я читал эти книги запово, не делая никакого анализа, но по сей день живо представляю героев этих произведений.

— А что в вашей личной библиотеке?

— Мало книг. Покупал случайно, порой приносили друзья, советуя то или иное прочесть. Относительно недавно купил наконец-таки Олдингтона. Есть у меня дома весь Маркес, который издавался у нас в стране. Перечитывал его по нескольку раз. Много фантастики. Люблю Кларка, Азимова, Стругацких, Лема, Брэдбери, Ефремова, Шекли. Я вот слышал: образовательный уровень, интеллект можно определить по тому, каким образом составлена личная библиотека человека. Если с этой точки зрения подходить и оценивать меня, то получится лоскутное одеяло. У меня никакой системы в подборе книг нет. Есть Шукшин, есть Пастернак, есть Цветаева, есть Вознесенский, Рождественский, относительно много книг в моей маленькой библиотеке — о кино.

Люблю Ахматову, Гумилева, но нет ни одного сборника этих гигантов.

— А ваше отношение к классике?

— Откровенно говорить?

— Откровенно.

— А если откровенно, то — мимо... Не могу сказать: «Ах, «Дядя Ваня», ах, «Чайка»... Рассказы Антона Павловича читал, но если честно, то Чехов — мимо. И Лев Толстой — мимо, и Достоевский — мимо. Нам так преподавали в школе классику, что я, наверное, к ней никогда в жизни не прикоснусь...

— Что из искусства вас привлекает, кроме эстрады?

— Пожалуй, изобразительное искусство. Испытываю к живописи интерес, сам в детстве увлекался рисо-

ванием. Много дарят альбомов. Перелистаю, посмотрю... и все уповаю на будущее: вот будет у меня время, я сяду и про всех художников прочту, а не только просмотрю иллюстрации.

— Вам не кажется, что вы несколько обделены, я имею в виду ваше отношение к классике, к современной литературе...

— Конечно, обделен. Это огромный мир, а я к нему почти не прикасаюсь. Оправдание лишь одно: полное поглощение профессией, у меня постоянный недосып. Я знаю, что есть люди, которые читают книжки для того, чтобы заснуть, успокоиться. А я лишь мечтаю о том моменте, когда можно будет лечь спать...

— Поймите правильно мой вопрос. Вы, как я понимаю, ощущаете себя кумиром слушателей. Вам пишут письма, дарят цветы... Помню, в концертном зале «Россия» за горой цветов не было даже видно вас. Телевидение, радио все время дают ваши записи. Стали наконец-то выходить ваши пластинки... И вдруг такое: кумир, и мало читает. Вы не боитесь, что упадете в глазах публики?

— Как я понимаю, публика меня любит за песни, которые я пою, а не за книги, которые я прочел или не прочел? Конечно, я ощущаю себя кумиром. Есть песни вроде бы незамысловатые, в них нет философии, но есть реальная возможность сказать всем, сказать без всякого подтекста, что ничего в жизни не может быть ярче, важнее, чем любовь. Или я пою песенку шута, где размышляю, кто и что есть на самом деле и что такое шут вообще. Тема не новая, и у Шекспира был шут. Шекспира читал мало, но спектакли и фильмы смотрел, а «Отелло», «Гамлета», «Ромео и Джульетту» читал. У Феллини есть рассуждение о клоунах. Вспомним того же великого Леонида Енгиларова — кумира 60-х годов. Я люблю песни о шутах, о цирке, клоунах — это мне близко. И когда я пою о шутах,

то я рассказываю о том, что меня волнует, интересует, беспокоит.

А боюсь или не боюсь упасть в глазах публики? Пусть воспринимают меня таким, каков я есть, — это честнее, это лучше. Я мог бы составить список, запомнить несколько цитат, мог бы блеснуть, и все бы говорили: «Ах, Валерий Леонтьев — как много читает, какой образованный!..» А это было бы неправдой.

Я заканчиваю Институт культуры в Ленинграде. Вот учебники читаю. Историю театра читаю, историю кино, книги по актерскому мастерству... Но это все тоже работа. Конечно, я, повторюсь, обделен. Есть люди, которые кичатся тем, что они мало читали. А я из-за этого страдаю, надеюсь: придет время, и я наверстаю упущенное. Наладится быт, как-то урегулируются, да простится мне это слово, организационные трудности нашего коллектива... Можно тогда будет больше заниматься собой.

— Что больше всего вас раздражает, огорчает, обижает в современной жизни?

— Быт. Необходимость заниматься тем, чем я как певец не должен заниматься. Члены нашего коллектива жи-

Валерий ЛЕОНТЬЕВ

Я ВСЕ
ВРЕМЯ
БЕГУ...

вут в самых разных местах — в Москве, Ленинграде, Ворошиловграде, Киеве... Сейчас я хочу сделать — до отъезда в Индию — запись по радио. Как вызвать музыкантов на запись? Концертов в Москве нет — командировку никто не даст. Приедут за свой счет. А как получить гостиницы? Хорошо, я приду в гостиницу просить, встречусь с администраторшей, которая меня любит, захочет помочь, тогда хорошо. А если нет? Что тогда делать?

В нашей артистической жизни первый человек — как вы думаете, кто? — швейцар. А второй... официант.

У нас ведь как? Возвращаемся в гостиницу после концертов поздно. Швейцар уже спит на лавке. Прошу пустить, а он на «ты» — «ты кто такой?» Ответаю: проживающий в этой гостинице Валерий Леонтьев. И слышу: чего шляешься, уже поздно. А еще есть дежурная по этажу — этакая ночная птица из-под груды одеял и подушек. А официант? Живешь в гостинице, питаешься в ресторане при этой гостинице. У тебя цейтнот, времени нет, а ты час ждешь, пока подойдет и возьмут заказ. А накормят так...

Официант предназначен для того, чтобы быстрее накормить, а швейцар — чтобы помочь тебе открыть дверь, когда ты идешь с чемоданами. А они смотрят на тебя, как на личного врага, они унижают тебя, ибо ты от них зависишь, что они отлично понимают. Нужно сунуть трешку, чтобы пройти в ресторан, рубль, чтобы пустили в номер. Не в деньгах дело, а в униженности положения.

Хамство, чванство, пренебрежение, бестактность — со всем этим сталкиваешься ежедневно, и уже не верится, что можешь побороть эти явления. Стараешься их не замечать, не реагировать на них. Стараешься, а все равно реагируешь.

— В свое время в журнале «Огонек» сообщали, что вы работаете над оперой «Джордано Бруно», музыку к которой написал талантливый композитор Лора Квинт. Это было год назад. Работа продвинулась?

— Да, уже есть эта опера на пленке. Мы ее записали на фирме «Мелодия». А сейчас вместе с режиссером Дружининым работаем над сценическим вариантом. Работа сложная, пре-

АКТЕР И КНИГА

мьера назначена на первое февраля, а я лишь шестого января возвращусь из Индии...

Героиню оперы будет петь Лариса Долина, Володя Пресняков исполнит роль ученика Джордано, а Джордано — я... Волнуюсь, получится или нет. Я признателен концертному залу «Россия» за поддержку. Там очень хороший директор. И я надеюсь, что многие организационные трудности, а они растут, как снежный ком, при его помощи удасться смягчить.

Конечно, я много читал о Джордано Бруно, о той эпохе, о времени, но опять-таки была работа, а не чтение для себя.

— Прошел год 1987-й. Вы подводите итоги года? Планируете ли на год вперед?

— Честно говоря, не задумывался об итогах. У меня не бывает праздников. Но если говорить о Новом годе, то я из-за гастролей не смог ничего нового сделать для новогодних телевизионных передач. На телевидении ко мне относятся хорошо, а я не смог использовать эту возможность. Мои удачные достижения, успехи... Переезд в Москву — ну разве это удача? Это быт. Если все получится, то в 1988 году, как я уже говорил, — премьера. Это уже новое, реальное, важное. Я меняю манеру, стиль исполнения... Получится или нет — не знаю. Ставку делаю на молодежь. Это хорошо, что меняется в лучшую сторону отношение к рок-музыке. Все время надеюсь, что ты можешь быть кумиром, который движется дальше. Я собираюсь петь столько, сколько смогу, до последнего.

Время идет, музыка меняется... Вообще в нашем жанре все меняется быстро. Ты можешь продолжать работать в том ключе, в котором тебе привычнее жить и работать, — будет всегда определенная категория слушателей, те, кто полюбит тебя десять лет назад. А может быть, надо все-таки успевать за теми, кто моложе. Конечно, есть опасность потерять тех, кто был, и не приобрести новой публики. И тем не менее я предпочитаю рисковать. Терять старое не хочется. Но, может быть, потери неизбежны. Надо к ним привыкнуть. Привыкнуть, чтобы завоевывать новое.

— Что вы можете себе пожелать перед Новым годом?

— Себе? Долгой молодости.

— А читателям нашего еженедельника?

— Читателям еженедельника?.. Конечно, прежде всего добра и искренности. Чтобы все книголюбцы имели возможность пополнять свои библиотеки книгами, за которыми они давно охотятся. Чтобы лучше работали букинистические магазины — это же реальная возможность дать книге вторую жизнь, а может быть, и третью, и четвертую... Чтобы букинистические магазины не брали 20 процентов с тех, кто сдает книги, а брали с тех, кто их покупает. Я много езжу по стране, и в букинистические магазины захожу. В Черновцах, например, так и поступают в букинистических магазинах, а в Москве почему-то нет.

Еще я хочу пожелать, чтобы исчезли спекулянты книгами, чтобы каждый, кто захочет, мог бы купить Владимира Высоцкого и Анну Ахматову, Михаила Булгакова и Бориса Пильняка, Федора Достоевского и Валентина Распутина, Владимира Богомолова — их два Владимира Богомолова — я говорю об авторе книги «Момент истины» («В августе 44-го»), повестей «Иван», «Зося», — и еще многих писателей и поэтов, а среди них поэт, за книжкой которого я давно охочусь, — Александр Аронов. Все это хочу прочесть или перечитать. И наверняка не только я.

Беседу вел
Владимир ШАХИДЖАНИЯ.
Фото Сергея ШАХИДЖАНИЯ.